

гда преувеличенной, благодарности его ко всем окружающим его людям за то, что они ему давали...

«Ослепления» же у него не было.

Мне известны интимные отзывы Льва Николаевича о некоторых из его друзей, которые показывают, что, будучи очень добрым и снисходительным человеком, Лев Николаевич вовсе не переставал быть пронизательным художником и сердцеведом.

Сплетничать не стану, но от приведения одного — двух из таких отзывов не удержусь.

Так, про одного из своих «друзей», много работавшего в «толстовском» издательстве, в качестве переводчика или, в лучшем случае, компилятора, однако, не страдавшего недостатком самоуверенности, Толстой, в весьма интимном обществе, отзывался:

— Двух фраз не умеет связать, а воображает, что он — писатель!

Другого «друга», имевшего претензию считать себя интимно близким Льву Николаевичу и всей семье Толстых, однако, обязанного этой условной близостью скорее данным внешнего, чем внутреннего порядка, Лев Николаевич, опять-таки в весьма интимном кругу, мимоходом назвал:

— Наш странный друг!

О самом В. Г. Черткове, несомненно наиболее близком ко Льву Николаевичу человеку за последнее время, Лев Николаевич часто высказывался либо в ограничительном, либо в отрицательном смысле. Характерна в этом отношении хотя бы одна запись в дневнике Льва Николаевича за 1910 г.: «Черткова статья о душе и Боге. Боюсь, что слишком ум за разум».

Все это не показывает изменничества Льва Николаевича по отношению к друзьям, но показывает,